

О ТОМ, О СЕМ

Несмотря на то, что российско-немецкий фестиваль "Пушкин и Гете" был посвящен двум громким юбилеям года, он оказался совершенно лишенным помпезности. Показанные здесь работы продемонстрировали, что у двух литературных классиков есть немало общего. Прежде всего, это способность будить фантазию представителей самых разных видов искусства. Правда, количество спектаклей по произведениям Пушкина и Гете было неравным: Пушкин предстал перед зрителем только в двух работах Камы Гинкаса, премьера одной — "Пушкин. Дуэль. Смерть.", состоявшаяся в рамках фестиваля, но оказалась доступной не многим, а вторая, "Золотой петушок", уже известна. Что до Гете, то смотр явил целую галерею "Фаустов", сыгранных как отечественными, так и немецкими коллективами. Мы увидели Фауста-циника, Фауста, переполненного плотскими страстями, Фауста-старика, ничему уже не удивляющегося, и даже Фауста, заскучавшего в раю и желающего переместиться в местечко повеселее. Последний из перечисленных стал героем спектакля студентов РАТИ "Нестрашный суд", в котором герои Пушкина и Гете встретились в

Игры лукавого и фантазии классиков

зале суда, где разбирается иск Мефистофеля к Фаусту, не выполнившего условий их договора и не расплатившемуся за доставленные удовольствия. Свидетелями в деле выступают призраки и духи, а адвокат Фауста, литературный критик, самоуверенный пронира, попутно рассказывает историю написания гном Гете своего произведения. Дабы оживить такое скучное дело, как судебный процесс, создатели спектакля превратили его в большую сходку рэперов, где два поэта преобразовываются в ди-джеев, а заседающие отплясывают под модную музыку. Можно любить или не любить "кислотную" культуру, но приходится признать, что синтез литературной классики и новомодных музыкальных веяний может оказаться весьма занимательным. Как эксперимент, разумеется.

Наверное, можно посчитать экспериментом и попытку перенести на сцену всего "Фауста" без купюр, оживить эту огромную глыбу текста при помощи театрального искусства. Подобный опыт продемонстрировал режиссер Борис Юхананов, чьи появления на публике всегда вызывают интерес, поскольку они случаются крайне редко. Однако интерес не помешал зрителям, коих на спектакле собралось немало, стремительно исчезать, нередко не дожидаясь антрактов. И дело даже не в том, что спектакль длился более пяти часов. Просто все просмотренные до того версии, не оставляли сомнения в том, что "Фауст" Гете — произведение сценичное, и что не только читать его, но и смотреть на сцене — занятие вовсе небесполезное. Спектакль же Юхананова решительно убеждал в обратном. Действие умерло еще до того, как началось, и чудовищные усилия, предпринятые для его реанимации, право, достойны лучшего применения. Героев невозможно было узнать за потоком клоунских реприз и непрекращающегося шума и дыма. Богатая музыкальная партитура сливалась в однообразные унылые завывания, а вставные цирковые номера

откровенно смущали. Но еще больше смущали заявления о пресловутом "элитарном театре", который нам якобы был продемонстрирован. Если это так, то входить в подобную "элику" желания не возникает.

Но "театр анатомирования драмы", к счастью, оказался не единственным в фестивальной афише. Драматический театр города Бохума, обратившись к ранней редакции романа — "Прафауст", показал развеселую вакханалию, где царствует стихия игры, трагедия же происходит только тогда, когда кто-нибудь из героев принимает эту игру за реальность.

Путешествие Фауста и Мефистофеля не заканчивается с гибелью Маргариты — оно будет продолжаться бесконечно. Недаром почти всю сценическую площадку занимает огромный, постоянно вертящийся глобус — символ времени, которое нельзя остановить, и жизни мира, не прекращающейся вместе с чьей-то отдельно взятой жизнью. Перемещаясь по глобусу, Фауст найдет еще немало интересного — быть может, даже другую Маргариту. А Мефистофель, принявший в спектакле женский облик, не даст ему заскучать.

Интересная тенденция исполнения женщиной роли Мефистофеля была продолжена в спектакле Киевского театра "Фундация Faust Family" "Фауст — фрагмент". Но в отличие от утонченно-философских отношений Фауста с Мефистофелем в немецком спектакле, здесь соблазнение Фауста, с неожиданным пылом бросающегося навстречу искушениям, решено буквально. Заводная игрушка, которой оказывается Фауст для Бога и Дьявола, сама с удовольствием подыграет Высшим силам. Если погибать — то хотя бы извлечь из этого процесса что-то приятное.

Несколько обособленно смотрелось на фестивале выступление Омского академического театра драмы, показавшего малоизвестную в России пьесу "Клавиво". Но пьеса эта, судя по всему, действительно интересная, не нашла достойного воплощения. Все реплики сливались в невнятный речитатив, и о происходящих событиях приходилось догадываться самостоятельно. А потому после спектакля захотелось взять в руки текст пьесы, дабы узнать, что же произошло в ней на самом деле. Возможно, в этом и заключается главное достоинство постановки.

Хорошо, что фестиваль не ограничился только театром. Прозвучавшая на открытии оратория Гектора Берлиоза "Осуждение Фауста", чтецкие вечера Михаила Козакова и Андрея Битова, а также любопытное действо под названием "Вальпургиева ночь", соединившее в себе множество жанров, позволили посмотреть на творчество двух классиков с достаточно незнакомой стороны.

Одной из удач фестиваля стал уик-энд под общим названием "Немые фильмы и современная музыка". Сочетание "первобытной" красоты кинематографа начала века и творчества молодых композиторов неожиданно оказалось необычайно интересным. Кажется, что музыка дала фильмам именно то, чего им не хватало для наиболее сильного эмоционального воздействия. Джазовые импровизации Петера Ковальда оказались сродни "Станционному зрителю", его лиричности и цельности. Странная, рваная, эклектичная музыка Алексея Борисова идеально легла на полотно "Фауст" Фридриха Мурнау с его мистическими страстями и душевными метаниями героев. Возвращение к истокам кинематографа стало и поучительным: сегодняшнему поколению не мешает увидеть, на что были способны актеры и режиссеры, когда в их распоряжении не было всех нынешних технических новшеств, и все приходилось делать, полагаясь на собственное мастерство.

Хочется думать, что Пушкин и Гете остались бы довольны прошедшим фестивалем. Мы же лишний раз вспомнили творчество классиков не потому, что его обязан знать каждый, а просто для собственного удовольствия как эстетического, так и эмоционального.

Алиса НИКОЛЬСКАЯ

Журнал и сцена -
1999. - июнь (~24) -